

DOI: 10.15372/HSS20210111
УДК 94:631(571.1)"1941"

С.В. ШАРАПОВ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ И АЛТАЙСКОГО КРАЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Институт истории СО РАН,
ФФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

С началом Великой Отечественной войны резко повысилось значение для страны Западной Сибири как тылового региона, обладавшего мощной базой сельскохозяйственного производства. Для исследователей советской экономики военного периода остается актуальным вопрос о готовности сельского хозяйства Западной Сибири отвечать на вызовы военного времени. В данной статье на основе материалов поездки секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева по Западной Сибири летом 1941 г. анализируется социальное и экономическое положение деревни Новосибирской области и Алтайского края накануне немецкого вторжения. К началу войны оба региона находились в условиях острых экономических и социальных затруднений, спровоцированных засухой и чрезмерным изъятием хлеба в ходе заготовительной кампании 1940 г. Результатами переплетения природных и политических факторов стали нехватка продовольствия в ряде районов, резкое сокращение поголовья общественного скота, распространение критических по отношению к советской власти настроений. Реакция центральной власти на проблемы регионов была прямолинейной. С позиции Центра, ухудшение обстановки было вызвано, во-первых, активизацией «антисоветского элемента»; во-вторых, управленческой слабостью руководящего состава местных организаций.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, сельское хозяйство, животноводство, голод, Великая Отечественная война, Западная Сибирь.

S.V. SHARAPOV

THE STATE OF AGRICULTURE IN NOVOSIBIRSK AND ALTAI REGIONS ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: ECONOMIC AND SOCIO-POLITICAL ASPECTS

Institute of History SB RAS
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

The author analyzes economic and socio-political situation developed on the eve of the Great Patriotic War in the countryside of two large regions of West Siberia: Novosibirsk Region and Altai Territory. The main sources of investigation were documentary materials collected by A.A. Andreev, the secretary and head of the Agricultural Department of the Central Committee of CPSU(b), during his trip to West Siberia in summer of 1941. Documents, analytical reports, and memoranda obtained by A. A. Andreev, compiled mainly by the regional departments of NKVD and NKGB, indicated a similar nature of difficulties faced by both regions. Firstly, this was mass mortality of public livestock, secondly, an acute shortage of food and seed in collective farms. Despite the fact that A. A. Andreev considered the disastrous situation as a result of “wrecking” activity, on the one hand, and inability of regional authorities to establish effective leadership, on the other hand, it was proved that main reasons for the difficulties were the raised taxation, and the drought that hit both regions in the summer of 1940. The aforementioned factors resulted in famine, which was not widespread, apparently, but covered entire villages most affected by the drought. Judging by the fact that food-supply difficulties appeared both in rural areas and cities, it is quite possible to talk about the food crisis in Novosibirsk Region and Altai Territory in winter of 1940 – summer of 1941. The agriculture of both regions was weakened on the eve of the war. The intervention of the central authorities, and personally of A.A. Andreev, partially helped to cope with difficulties, however, some problems, for example, reducing the livestock number, were long-term in nature and were only aggravated by the further wartime extreme conditions.

Key words: Soviet state agrarian policy, agriculture, livestock, famine, Great Patriotic War, West Siberia.

Сергей Валерьевич Шарапов – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3526-8088>

Sergey V. Sharapov – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Благодаря исследованиям сибирских историков известно, что накануне Великой Отечественной войны сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края понесло значительный урон вследствие чрезмерного изъятия зерна во время хлебозаготовительной кампании 1940/41 г. [1; 2, с. 131–175]. И если с определенностью можно говорить о возникшей в регионах нехватке продовольствия, семян и кормов, то реакция на эти проблемы центральной государственной власти до сих пор остается не освещенной. Не затронут в историографии также сюжет о командировке в Западную Сибирь секретаря и заведующего сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреева летом 1941 г. Посетив поочередно Новосибирскую область и Алтайский край, он собрал немало сведений, которые способны пролить дополнительный свет на многие проблемы в сельском хозяйстве этих двух регионов, причем не только экономические, но и социальные. Судя по тому, что Андреев ехал в Сибирь с единственной целью разобраться и исправить положение дел в сельском хозяйстве, политический Центр был встревожен сигналами, поступающими с мест. Цель данной статьи – освещение экономического и социально-политического аспектов кризисной ситуации, сложившейся в сельском хозяйстве Новосибирской области и Алтайского края к началу Великой Отечественной войны.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Экономические затруднения были вызваны двумя главными факторами: засухой, поразившей оба региона летом 1940 г., и резким усилением натурального налогообложения деревни [1; 2, с. 131–175]. На фоне ухудшения международной обстановки и начала Второй мировой войны государство на пределе возможностей наращивало изъятие продовольственных ресурсов из села. С 1939 г. объемы натуроплаты за работы МТС стали определяться исходя из видовой урожайности зерновых, измеряемой на корню перед уборкой. Потери урожая во время уборочной кампании не учитывались, а планы натуроплаты, как следствие, оказывались завышенными. Новацией следующего, 1940 г., стал переход к так называемому погектарному принципу обложения обязательными зернопоставками. Если раньше последние рассчитывались исходя из размера запланированных посевных площадей, теперь их объем исчислялся из количества гектаров пашни, закрепленной за колхозами [3, с. 130]. Это позволило резко увеличить хлебозаготовительные планы в 1940 г.

Засуха лишила надежд получить высокий урожай. В 1940 г. видовая урожайность зерновых в Алтайском крае составила всего 6,3 ц/га (для сравнения:

в 1939 г. – 11,9 ц/га). В Новосибирской области ситуация складывалась чуть лучше – 8,9 ц/га против 12,5 ц/га в 1939 г. Однако амбарная урожайность из-за потерь зерна во время уборки и обмолота оказалась гораздо ниже (в пораженных засухой районах – от 1 до 2,5 ц/га). При этом в соответствии с государственным планом хлебосдачи значительную долю собранного урожая требовалось вывезти на заготовительные пункты. Так, в Новосибирской области для выполнения плана необходимо было сдать государству приблизительно 75 % валового сбора зерна [2, с. 134].

Некоторые принятые Москвой меры несколько облегчали ситуацию. Осенью для обоих регионов был снижен план сбора натуроплаты, списана пеня за просрочку его выполнения, отложено взимание недоимок, а хозяйствам разрешалось сдавать мясо в счет хлебопоставок. К середине декабря 1940 г. Новосибирская область выполнила план на 78 %, Алтайский край – на 67,2 % [2, с. 135]. Несмотря на послабления, многие районы, прежде всего те, которые были охвачены засухой, столкнулись с острой нехваткой продовольствия, кормов и семенного материала. Дефицит вызвал негативные социальные последствия. Той части зерна, которая оставалась в колхозах, не хватало для внутреннего потребления. В результате недоедания распространились болезни, участились случаи голодных смертей, употребления в пищу суррогатов и мяса павших животных. Возросли масштабы бегства крестьян из голодающих колхозов¹.

Экономическое и социальное положение пострадавших от засухи районов Алтайского края и Новосибирской области вызвало беспокойство у центральной власти. В июне 1941 г. в Западную Сибирь был командирован секретарь и заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев с целью разобраться в сложившейся ситуации и принять необходимые меры. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют с точностью определить сроки пребывания А.А. Андреева в Западной Сибири. Известно, что в день немецкого вторжения он находился в Новосибирской области, поскольку именно 22 июня 1941 г. датируется его первое донесение И.В. Сталину². Уже 27 июня Андреев выехал в Москву, поработав перед этим три дня в Алтайском крае³. По всей видимости, начавшаяся война вынудила А.А. Андреева сократить командировку и спешно вернуться в Москву. Тем не менее материалы, собранные им во время поездки, представляют для ис-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 254–259.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 1–5.

³ Там же. Д. 37. Л. 1–4.

следователей особую ценность. Они не только позволяют увидеть трудности, которые пришлось пережить сельскому хозяйству Западной Сибири накануне Великой Отечественной войны, но и свидетельствуют о том, каким образом политические верхи реагировали на проблемы регионов.

Сигналы о тяжелом положении в Новосибирской области стали поступать весной 1941 г. по линии НКВД. 8 марта 1941 г. на имя Л.П. Берии была направлена докладная записка начальника управления НКВД по Новосибирской области Ф.М. Медведева. В ней сообщалось о продовольственных затруднениях в 12 районах области, явным показателем чего была чрезвычайно низкая натуральная оплата трудодня в колхозах. Так, в 36 колхозах Черепановского района на трудодень выдавалось 200–300 г зерна, в других 48 колхозах того же района – 400–500 г. Не менее сложное положение было в животноводстве области. Острая нехватка кормов, распространение эпизоотий вызвали массовый падеж скота. Нередко возникала безвыходная ситуация, когда при наличии кормов в районе подвоз их в ту или иную артель был невозможен из-за предельного истощения лошадей и отсутствия иного транспорта⁴.

Другим каналом, по которому информация о неблагоприятном положении в Новосибирской области и Алтайском крае достигала политического руководства страны, являлись так называемые письма во власть. Один из примеров – письмо двадцатилетней комсомолки В.П. Крыловой, проживавшей в Татарском районе Новосибирской области. Она отправила письмо 26 мая 1941 г. на имя И.В. Сталина. По всей видимости, Сталин был знаком с содержанием письма. Об этом свидетельствует отдельное упоминание Крыловой в донесениях А.А. Андреева⁵. В письме В.П. Крылова сообщала о массовом падеже скота в Татарском районе, причиной которого стало, по ее мнению, плохое руководство со стороны районных властей. Несмотря на то, что корм в районе имелся, не был организован его подвоз в колхозы⁶. Крылова с тревогой описывала политические настроения крестьян, намекая на «вредительскую» активность на местах: «Настроение у жителей, которые находятся в колхозах, деревнях, – плохое, мы проводим с ними беседу, они прямо говорят, что в узких пространствах Советского Союза творятся широкие антисоветские дела»⁷.

Последнее замечание В.П. Крыловой об «антисоветских делах» совпало с интенцией политических верхов найти причины бедственного положения ряда районов Новосибирской области и Алтайского края во «вредительской» деятельности части работников местных организаций, ответственных за сельское хозяйство. По всей видимости, А.А. Андреев, отправляясь в Западную Сибирь, был сориентирован лично И.В. Сталиным провести работу совместно с местными органами НКВД и НКГБ по линии выявления «антисоветского элемента». Косвенным доказательством тому служит телеграмма А.А. Андреева И.В. Сталину по итогам поездки, в которой он в следующих выражениях описывал положение дел в Алтайском крае и Новосибирской области: «Действительно *подтвердилось Ваше предположение* (выделено нами. – С.Ш.) о наличии ранее рассаженных и еще неразоблаченных вредителей, главным образом в земельных органах»⁸. В целом порядок работы А.А. Андреева с органами НКВД и в Новосибирской области, и в Алтайском крае был одинаков. Ознакомившись по приезду с информацией о «засоренности» местных ответственных организаций «антисоветским элементом», А.А. Андреев фактически направлял деятельность «чекистов» по линии проведения арестов тех лиц, которые и должны были понести основную ответственность за провалы в сельском хозяйстве.

В Новосибирской области А.А. Андрееву пришлось убедиться в том, что положение требовало экстренного вмешательства. Наиболее тревожной была ситуация в животноводстве: только за первые пять месяцев 1941 г. пало 12,4 тыс. лошадей, 39,2 тыс. голов крупного рогатого скота, 64,8 тыс. овец, 12 тыс. свиней. По отдельным районам общественный скот колхозов сократился на одну треть⁹. Весенний сев 1941 г. из-за плохой работы МТС, вовремя не отремонтированных тракторов, был затянут. На 10 июня план сева был выполнен на 87,9 %, а по ряду районов засеяно только от 1/2 до 2/3 плана. Наблюдалось массовое бегство из Новосибирской области семей переселенцев. Из 15,6 тыс. крестьянских семей, переселившихся в 1940 г. в Новосибирскую область, за зиму 1940/41 г. уехало 6,6 тыс. семей¹⁰. Подтвердились факты продовольственных трудностей в ряде районов области, отдельные случаи голодных смертей и заболеваний по причине недоедания¹¹. В некоторых колхозах доходило до того, что мясо павших животных раздавалось членам артели в счет оплаты трудодней¹².

Значительно хуже складывалось положение дел в животноводстве Алтайского края, где за первые три

⁴ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 28–32.

⁵ 22 июня 1941 г. А.А. Андреев писал И.В. Сталину: «По письму Крыловой – все подтвердилось. В районе навели порядок, руководителей поставили новых, прокуратура и НКВД ведут следствие. Видел второй раз Крылову, передал ей благодарность и обещание ее наградить».

⁶ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 22–26 об.

⁷ Там же. Л. 23.

⁸ Там же. Д. 37. Л. 13.

⁹ Там же. Д. 35. Л. 1.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 36. Л. 60.

месяца 1941 г. пало 103 тыс. голов крупного рогатого скота, 323 тыс. овец, 72 тыс. свиней и 34 тыс. лошадей. Причины усматривались А.А. Андреевым те же, что и в Новосибирской области: нехватка кормов, распространение болезней, особенно ящура, а также «наличие вредительского уничтожения общественно-го скота враждебными элементами»¹³. Критическая ситуация в животноводстве края подтверждалась свидетельствами специалистов. Главный ветеринарный врач «Главзаготскот Востока» Кутуков, побывавший в марте 1941 г. в командировке в Алтайском крае, в докладной записке писал: «Можно смело и без преувеличения сказать, что животноводство Алтайского края переживает трагедию»¹⁴.

Продовольственное положение в крае было не менее тяжелым, чем в Новосибирской области. Уже в донесении председателя крайисполкома Н.А. Смердова, направленном председателю СНК СССР В.М. Молотову 31 марта 1941 г., сообщалось о критической ситуации с продовольствием в ряде районов. К весне внутренние ресурсы колхозов иссякли, а выделенных для продажи фондов муки не хватало даже для удовлетворения минимальных потребностей. Массовый забой личного скота несколько ослабил, но не ликвидировал продовольственные затруднения. Из-за отсутствия не только хлеба, но и других продуктов в пищу использовался жмых и различного рода суррогаты. Имелись случаи употребления в пищу падали, собак и кошек. Недоедание вызвало распространение заболеваний желудочно-кишечного тракта, цинги, сыпного тифа. Были зарегистрированы отдельные случаи опухания людей и смертей от голода¹⁵.

О сложном продовольственном положении в Алтайском крае сообщали не только донесения региональных руководителей, но и письма во власть, в том числе отправленные на имя А.А. Андреева. Так, житель Баевского района Алтайского края Г.А. Чернышев в 1941 г. писал: «Еще с весны прошлого года мы начали продавать свои манатки за хлеб. Урожай нам ничего не дал и уже можно сказать – больше продавать нечего, люди голодные. Если пал теленок, корова, овечка или лошадь, то от этого ничего не остается – все нарасхват в пищу, большая она была или здоровая. Часть людей (я говорю о колхозниках) пухнет с голоду, бросили работать на фермах, часть освобождается врачами как неспособные работать»¹⁶.

В телеграмме И.В. Сталину А.А. Андреев возлагал ответственность за провал не только в животноводстве, но и в других делах на краевое и районное руководство, которое, по его мнению, проявило недо-

пустимую беспечность. Последняя, помимо неспособности наладить контроль над текущими делами, выражалась еще в том, что руководители забыли «об особых условиях края, где еще много в деревнях и селах бывших кулаков, колчаковцев, всякого рода высланных из центральных районов, которые часто разлагают работу в колхозах, пролезают на руководящие посты председателей колхозов, бригадиров»¹⁷. Характерно, что А.А. Андреев искал причины провалов в сельском хозяйстве не в экономической политике государства, а в социально-политической обстановке, сложившейся в регионах.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Следует отметить, что А.А. Андреев по приезду в Западную Сибирь чрезвычайно внимательно отнесся к информации Алтайского и Новосибирского управлений НКВД и НКГБ о засоренности сельской местности «антисоветским элементом». В документах управления НКГБ содержалась информация о количестве жителей сельских районов Новосибирской области, которые состояли на оперативном учете. В справке, подготовленной для А.А. Андреева, было указано на наличие в области 200 тыс. чел., относившихся к контингенту ссыльных кулаков, и 28 тыс. чел., подпадавших под другие категории «политически неблагонадежных» (в том числе: 340 троцкистов и правых, 314 бывших эсеров и членов других «контрреволюционных» партий, 1828 церковников и сектантов, 1706 бывших белогвардейцев, 928 исключенных из ВКП(б))¹⁸.

Чтобы оценить названные цифры, мы можем приблизительно рассчитать долю поставленных на учет среди жителей сельских районов Новосибирской области. Если взять за основу данные Всесоюзной переписи 1939 г., согласно которым в сельской местности проживали 2385 тыс. чел., то на их долю приходилось 9,5 %. Уже на момент составления справки следственная работа велась по 108 «антисоветским группам» (из них: 44 церковно-сектантских, 36 вредительских, 31 повстанческая, 19 националистических, 3 эсеровских, 19 белогвардейских и 19 прочих). Всего по этим делам проходило 1237 чел. Как указано в документе, «антисоветские формирования» искусственно создавали тяжелое экономическое положение в ряде колхозов, дезорганизовывали трудовую дисциплину, вызывали бескормицу, провоцировали падеж скота, а также распространяли «антигосударственные» слухи, «что, якобы, только благодаря колхозам и советской власти крестьяне голодают, ничего не имеют и т.д.»¹⁹.

¹³ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 25.

¹⁴ Там же. Д. 37. Л. 53.

¹⁵ Там же. Л. 72–73.

¹⁶ Там же. Л. 33–34.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Там же. Д. 36. Л. 35.

¹⁹ Там же. Л. 35–36.

Под пристальным надзором управлений НКВД и НКГБ находились областные органы управления, ответственные за сельское хозяйство (земельные, заготовительные и др.). Как следует из вышеуказанной справки (составленной УНКГБ), наиболее засоренным «социально чуждым и антисоветским элементом» был аппарат областного земельного управления (облЗУ), а среди его подразделений – управление землеустройства, где на учете состояло 18 чел.²⁰ Используя информацию спецслужб, А.А. Андреев не только критиковал региональное руководство за отсутствие бдительности, но и санкционировал аресты якобы «виновных» в провалах сельского хозяйства ответственных работников.

Если в Алтайском крае в силу кратковременности своей поездки А.А. Андреев лишь наметил направление дальнейшей работы краевых управлений НКВД и НКГБ, то в Новосибирской области он лично обеспечил проведение необходимых арестов. В результате активной работы А.А. Андреева совместно с УНКВД и УНКГБ по Новосибирской области было выявлено три направления «вредительства»: умышленное уничтожение общественного скота, создание невыносимых условий для переселенцев, запутывание землепользования и учета земельных фондов. Последнее считалось одной из основных причин продовольственных затруднений в области. Так, якобы в результате «вредительской» деятельности работников облЗУ в фонд колхозов были незаконно включены 518 тыс. га целинных и залежных земель, которые в 1940 г. были обложены обязательными зернопоставками²¹. Хлебозаготовительный план оказался завышенным, что и привело к нехватке продовольствия у колхозников.

В июне 1941 г. был арестован начальник управления животноводством Новосибирского облЗУ Ю.Н. Голошапов. Во время допроса 25 июня 1941 г. он не признал за собой «подрывной антисоветской работы», однако не снимал с себя ответственности за «катастрофическое состояние» животноводства области²². При этом допрашиваемый полагал, что вместе с ним ответственность должны разделить областные руководители (первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Г.Н. Пуговкин, третий секретарь обкома Ф.Д. Кузнецов, заведующий сельхозотделом обкома Ф.В. Елизеев, председатель облисполкома Г.Н. Годовицын, заведующий облЗУ Г.Ф. Сизов). Показания Ю.Н. Голошапова интересны и потому, что содержат информацию о проблемах управления данной отраслью сельского хозяйства области, в том числе структурного характера. По его словам, Ново-

сибирский обком ВКП(б), облисполком и облЗУ руководили животноводством «недостаточно и неконкретно, отделяясь принятием формальных декларативных решений»²³. Несколько раз Ю.Н. Голошапов сигнализировал о проблемах животноводства, о необходимости принятия экстренных мер, направленных на обеспечение колхозов кормовой базой и борьбу с распространением эпизоотических заболеваний. Однако все докладные записки были положены «под сукно».

В условиях начавшейся летом 1940 г. напряженной хлебозаготовительной кампании проблемы животноводства отходили на второй план. Как утверждал Ю.Н. Голошапов, на одно из обращений, сделанных в августе 1940 г. в связи с угрожающей нехваткой кормовой базы, председатель облисполкома Г.Н. Годовицын ответил: «Сейчас нужно заниматься хлебом, по вопросам заготовки кормов указания даны и больше никаких указаний давать не требуется»²⁴. Когда Ю.Н. Голошапов обратился к секретарю обкома ВКП(б) Ф.Д. Кузнецову, то получил схожую реакцию: «У нас не закончено с хлебопоставками, а поэтому возбуждать этот вопрос не можем и нецелесообразно»²⁵.

Показания Ю.Н. Голошапова указывают на чрезмерную централизацию системы управления сельским хозяйством на региональном уровне, что лишило ее гибкости. В условиях многомерности задач обком и облисполком занимались лишь теми направлениями работы, которые считались приоритетными (в сельском хозяйстве – это хлебозаготовки, которые начинались во второй половине года), оставляя другие важнейшие вопросы без должного внимания.

В связи с проблемой бегства переселенцев, ранее прибывших в Новосибирскую область, был арестован заместитель начальника областного переселенческого отдела С.П. Пулькин. Он признал себя виновным в «антисоветской деятельности», цель которой – «сорвать и дискредитировать работу по переселению»²⁶. Даже если усомниться во «вредительских» помыслах С.П. Пулькина, его показания вскрывают ряд проблем в работе переселенческого отдела. Во-первых, планы переселения не соответствовали располагаемому фонду жилья, которого оказалось недостаточно. Так, из числа прибывших в 1940 г. не было вселено в заранее подготовленные дома 3573 семьи, и они ютились во временно отведенных квартирах, зачастую не приспособленных для жилья. Во-вторых, задерживалась выдача продовольственных и денежных ссуд, зачастую колхозники-переселенцы остава-

²⁰ РГАСТИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 36. Л. 17–20.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 129–149.

²³ Там же. Л. 130.

²⁴ Там же. Л. 136.

²⁵ Там же. Л. 137.

²⁶ Там же. Л. 76–84.

лись без хлеба или не получали средств на обустройство хозяйства. Переселенцы оказывались в таких условиях, которые вынуждали их возвращаться к прежним местам жительства. Вместе с С.П. Пулькиным были арестованы и другие служащие отдела: бывший ответственный исполнитель по снабжению П.И. Васехо и начальник планово-финансового сектора П.Н. Ребров [4, с. 284].

За «вредительства» в сфере землепользования арестовали работников управления землеустройства облЗО: начальника управления К.Н. Вьюкова, главного инженера Б.И. Агроскина, старшего инженера-землеустроителя Н.И. Лукьянова. Если К.Н. Вьюков на допросе 25 июня 1941 г. отказался признать себя виновным во вредительстве²⁷, то Б.И. Агроскин и Н.И. Лукьянов дали признательные показания²⁸. Их вредительство, как следует из показаний, заключалось в умышленном саботаже работ по введению севооборота, в составлении фиктивной отчетности, а также запутывании учета земель и неправильном определении площадей облагаемых земельных фондов в колхозах. Последнее привело к тому, что колхозам Новосибирской области в 1940 г. были спущены завышенные планы обязательных зернопоставок.

Столь завышенное обложение Новосибирской области, как уже отмечалось, стало главной причиной продовольственных трудностей в колхозах. Об их масштабах косвенно свидетельствуют материалы перлюстрации писем, осуществлявшейся органами НКВД, которые подвергали контролю 5–6 % всей корреспонденции, проходящей через Новосибирский почтамт. Как следует из докладной записки, поступившей А.А. Андрееву, органами НКВД с 1 января по 10 июня 1941 г. было установлено 621 письмо, в котором отправители сообщали родственникам и знакомым о голоде в ряде колхозов Новосибирской области, а также о тяжелом продовольственном положении в самом Новосибирске²⁹.

Письма жителей гораздо более выразительно повествовали о тяготах голодного времени, нежели лапидарные докладные записки представителей местной власти или телеграммы А.А. Андреева. Например, отправитель из с. Нижняя Каменка следующим образом описывал постигшее его бедствие: «Добрый день, дорогая дочка Нюра! <...> Питаюсь одной требушиной и кишками, и то, заколол корову у Лобанова и он мне отдал за работу. <...> И проклятый колхоз не дает справку, и нет хлеба. В колхозе дают по 800 гр. на день и то, раз дадут, а неделю голодом морят»³⁰. В письмах часто встречались свидетельства

о вынужденном употреблении в пищу падали ради спасения от голодной смерти: «Привет от вашей матери А.С. Теперь вы мне не можете помочь, я уже всю пропастину по скотине собрала. Костя у нас сейчас весь опух от голода и холода»³¹. Судя по корреспонденции, бедствовали целые селения: «В некоторых деревнях, в Камбаре, поели всю пропастину и стали опухать с голоду. Скот падает, лошади плохие, колхозники голодные. В Кузнецовой половина деревни разбежались кто куда. Ни хлеба, ни сена. К весеннему севу не готовимся. По 30–50 голов гибнет в день»³².

Имеющиеся в распоряжении архивные документы не позволяют даже приблизительно оценить масштабы смертности от голода в 1940–1941 гг. Письма рисуют весьма мрачную картину в охваченной бедствием местности: «Первым долгом сообщаю, что пришла в Каменку, кое-как доплелась. Витя помер на месте, в Утянке, а Галина умерла дорогой – оба с голода, осталась одна. Нина, я чуть живая. Прошу, pošлите посылку скорее, помираем с голоду»³³; «У нас уже с голоду умирают и пухнут, ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»³⁴; «Условия очень плохие, все голодные. Молодежь ходит печальная от голода. В столовой едят баланду без хлеба. Доходит дело до того, что человек человека ненавидит»³⁵.

Все вышеперечисленное заставляет усомниться в оценках масштабов голода, которые дал А.А. Андреев в донесениях И.В. Сталину. Подтверждая факты гибели людей и распространения болезней, Андреев писал, что таковые имели место всего в двух–трех районах области, в которых голодающими оказались по два–три колхоза³⁶. Скорее всего, такая оценка не соответствовала реальному положению дел, причем продовольственные трудности охватывали не только сельскую местность области, но и города. Об этом также свидетельствует содержание перлюстрированных писем, отправленных из Новосибирска: «Вообще печально в природе, еще хуже в брюхе. По-прежнему ничего нет ни на рынке, ни в магазинах. В окрестностях города положение катастрофическое, как у людей, так и у скота, те и другие ждут подножного корма, а пока ложатся, так как ходить не могут»³⁷; «Как у нас плохо стало с хлебом, встаешь с 6 часов, бежишь в очередь, очереди громадные и стоишь часа три, получишь 1 кг, а что на семью 1 кг? Мама заболела, простыла в очередях и переуто-

²⁷ РГАСТИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 36. Л. 160–163.

²⁸ Там же. Л. 85–103, 151–159.

²⁹ Там же. Л. 67.

³⁰ Там же. Л. 68.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 70.

³³ Там же. Л. 68.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 70.

³⁶ Там же. Д. 37. Л. 13.

³⁷ Там же. Д. 36. Л. 71.

милась»³⁸; «Большие магазины, жизнь кипит. Заходишь в «Гастроном»: чего только нет, как в 31 году. Хлеба нет, масла нет, мяса нет и т.д. А так все, что хочешь – пиво, водка и закуска: перец, соя, горчица, кабуль³⁹. Это еще ничего, раньше, говорят, еще хуже было»⁴⁰; «Если бы ты знала, какая у нас тяжелая жизнь – кошмар. В магазинах съестного почти ничего нет. Живем, только бы не сдохнуть. Народ стонет, только слышишь: ой, да ах!»⁴¹.

Не удивительно, что на фоне продовольственного кризиса в сельской местности распространялись критические по отношению к советской власти настроения. В немалой степени тому способствовало ухудшившееся из года в год материальное положение колхозного крестьянства. В справке об итогах хлебоуборочной кампании 1940 г. в колхозах Новосибирской области, составленной работниками управления НКГБ, приводятся данные за несколько лет о количестве выдаваемого на трудодни зерна. Так, в 1937 г. на оплату трудодней в области было израсходовано 29,1 % от валовых сборов зерна. В среднем колхознику выдавалось 4,2 кг зерна на трудодень. В 1938 г. эта доля уменьшилась до 23,8 %, а средняя оплата трудодня составляла 3,3 кг зерна. В 1939 г. оба показателя вновь снизились: 16,7 % и 2 кг на трудодень соответственно. Наконец, в 1940 г. доля от валовых сборов на оплату трудодня упала до 13,3 %, а средняя выдача – до 1,1 кг зерна⁴². Таким образом, в течение четырех лет количество выдаваемого на трудодни зерна снижалось не только в абсолютном выражении, но и в относительной доле валовых сборов.

Разумеется, столь продолжительная тенденция ухудшения уровня жизни, а затем продовольственный кризис 1940/41 г. не могли не вызвать недовольство на селе. В докладной записке исполняющего обязанности заместителя областного прокурора Назарюка от 22 марта 1941 г. отмечалось, что на указанную дату по области находилось в производстве около 80 дел, заведенных по ст. 58, п. 10 УК РСФСР («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений») ⁴³. Характерно, что критика государства и колхозного строя в «антисоветских» высказываниях, приведенных в записке, сопрягалась с острым предчувствием близкой войны с Германией и неизбежного поражения в ней СССР. Более того, в некоторых случаях военное поражение воспринималось как событие, которое принесло бы конец невы-

носимой эксплуатации со стороны советского государства: «Вот что делается, Советский Союз продает Германии хлеб, все зерно идет за границу, а у нас рабочий голодает. Германия сильная и хитрая страна, заберет весь хлеб в Советском Союзе, после пойдет войной и может разбить его, а нам намнет бока <...> Советская власть давно мучает рабочих, но нас надо еще больше проучить, чтобы мы поняли и проснулись, а каждый взял в руки у кого что есть и перебил бы все начальство, я первым пошел бы»⁴⁴. Или другой пример: «Вот Молотов поехал в Германию к Гитлеру, там его наверно хорошо встретят, но дружба-то дружбой, а Гитлер хитрый человек, он здорово подлаживается к Советскому Союзу и забрал у нас весь хлеб <...> Конец этим планам будет тогда, когда Гитлер наложит на советские планы свою руку <...> хотя бы скорее был бы конец, а то работаешь как проклятый и не хозяин своему труду»⁴⁵.

На основании приведенных высказываний вряд ли можно судить о масштабах распространения крестьянского недовольства. А.А. Андреев, посетивший ряд районов Новосибирской области, 22 июня 1941 г. писал И.В. Сталину, что «настроение в колхозах очень хорошее, колхозники замечательно работают <...>, а сами посева пока в хорошем состоянии»⁴⁶. Позже Андреев еще раз в телеграмме Сталину сообщил о настроениях в области: «Вся обстановка преобразилась на глазах: в колхозах, плохо работающих, теперь выходят на работу, <...> рабочие, никогда не выполнявшие нормы, теперь их перевыполняют, жалобы на недостаток товаров прекратились, очередей нет. Много заявлений добровольцев на фронт, замечательное зрелище представляют проводы мобилизованных, сразу как-то все подтянулись»⁴⁷.

Основным результатом поездки А.А. Андреева стали кадровые перестановки в руководстве как Новосибирской области, так и Алтайского края. Вывод, который сделал А.А. Андреев из анализа обстановки, сложившейся к лету 1941 г. в Новосибирской области, заключался в том, что местное руководство не справилось с задачами управления. В телеграмме И.В. Сталину А.А. Андреев дал следующую оценку местным властям: «Очень плохо выглядело руководство Новосибирского обкома и облисполкома. Распушенность и отсутствие власти, многочисленные жалобы работников: толку и окончательного решения вопроса от обкома и Пуговкина нельзя добиться»⁴⁸. С подачи А.А. Андреева в июне 1941 г. был заменен весь высший управленческий кадровый состав Новосибирской области: сняты с должностей первый се-

³⁸ РГАСИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 36. Л. 72.

³⁹ Кабуль – пикантный соус.

⁴⁰ Там же. Л. 72.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Д. 35. Л. 49.

⁴³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 258.

⁴⁴ Там же. Л. 257.

⁴⁵ Там же. Л. 258.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 3.

⁴⁷ Там же. Д. 37. Л. 15.

⁴⁸ Там же. Л. 14.

кретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Г.Н. Пуговкин⁴⁹, заведующий облЗО Г.Ф. Сизов⁵⁰, председатель облисполкома Г.Н. Годовицын⁵¹, заместитель председателя облисполкома Ф.Д. Кузнецов⁵², который, будучи ранее третьим секретарем обкома ВКП(б), непосредственно отвечал за руководство сельским хозяйством. Смена кадров затронула не только областную верхушку, но и районных руководителей. Так, А.А. Андреев предложил освободить от должности нескольких секретарей райкомов, председателей райисполкомов и заведующих райЗО как людей «сомнительных» и «проваливающих дело»⁵³.

Оценка А.А. Андреевым алтайских краевых властей была сдержаннее: «На Алтае положение с руководством оказалось несколько лучше, но тоже много благодушия. За несколько дней разобрались там, вместе с крайкомом и НКВД – поправили дело. Наметили снять председателя крайисполкома Смердова – гнилого человека, обновить аппарат крайЗО, укрепить руководство в отсталых районах»⁵⁴. Несмотря на все проблемы в регионе, А.А. Андреев охарактеризовал первого секретаря Алтайского крайкома ВКП(б) В.Н. Лобкова как работника опытного и умного⁵⁵.

Помимо кадровых перестановок и выявления «вредителей» А.А. Андреев озаботился проведением ряда мер с целью облегчить хозяйственное и продовольственное положение регионов. Так, в Новосибирской области при его участии были составлены новые порайонные нормы обязательных поставок по зерну на 1941 г. Они оказались значительно ниже норм предыдущего года, что существенно ослабило податной пресс на сельское хозяйство области в 1941 г. Кроме того, была организована продовольственная помощь для тех районов и колхозов, которые оказались в затруднительном положении⁵⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поездка А.А. Андреева в Западную Сибирь показательна как пример взаимодействия центральной власти и регионов, переживавших острые хозяйственные трудности. Последние, в случае Новосибирской области и Алтайского края, были вызваны главным образом усилением заготовительного «пресса» со стороны государства. Однако власть предпочла списать вызванные такой политикой проблемы на результат «вредительской» деятельности «антисовет-

ских сил» и частично возложить ответственность на региональное руководство, которое проявило слабость и не справилось с возложенными на него обязанностями. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края к началу Великой Отечественной войны оказалось в критическом состоянии, причем некоторые проблемы невозможно было решить даже за счет экстренных мер. Если нехватку продовольствия и семенного материала удалось нивелировать, направляя государственные ссуды, то кризис животноводства имел долгосрочный характер. Так, несмотря на аресты «вредителей», падеж общественного скота продолжался. Управление НКВД по Новосибирской области в докладной записке о состоянии животноводства на 25 октября 1941 г., составленной для нового первого секретаря обкома ВКП(б) М.В. Кулагина, сообщало, что положение в колхозах продолжало оставаться «крайне напряженным», а область превратилась в настоящий очаг распространения сибирской язвы⁵⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рынков В.М. Методы и результаты проведения хлебозаготовительной кампании 1940–1941 годов в Новосибирской области // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина; Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 157–176.
2. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. 253 с.
3. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.
4. Тепляков А.Г. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск: Наука-Центр, 2004. С. 260–290.

REFERENCES

1. Rynkov V.M. Methods and results of the grain collection campaign of 1940–1941 in Novosibirsk Region. *Sibir' v XVII–XX vekakh: problemy politicheskoy i sotsialnoy istorii: Bakhrushinskiye chteniya 1999–2000 gg.* Novosibirsk, 2002, pp. 157–176. (In Russ.)
2. Il'inykh V.A., Kabtsevich O.K. (eds.) Policy of de-peasantization in Siberia: a chronicle-documentary digest. Iss. 2: Forms and methods of centralized grain procurements. 1930–1941. Novosibirsk, RITS NGU, 2002, 253 p. (In Russ.)
3. Ilinykh V.A. Taxation of the Siberian rural regions. Late 1920s – early 1950s. Novosibirsk, GUP PRO SO RASKhN, 2004, 167 p. (In Russ.)
4. Teplyakov A.G. NKVD department in the Novosibirsk Region on the eve of the Great Patriotic War and during its initial period. *Zapadnaya Sibi'r v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.)*. Novosibirsk, Nauka-Tsentr, 2004, pp. 260–290. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.06.2020

Дата рецензирования 05.09.2020

Статья принята к публикации 14.01.2021

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 11.

⁵⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 373. Л. 6–11.

⁵¹ Там же. Л. 19.

⁵² Там же. Л. 18.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 4.

⁵⁴ Там же. Д. 37. Л. 14.

⁵⁵ Там же. Л. 15.

⁵⁶ Там же. Д. 35. Л. 4.

⁵⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 151. Л. 47–70.